

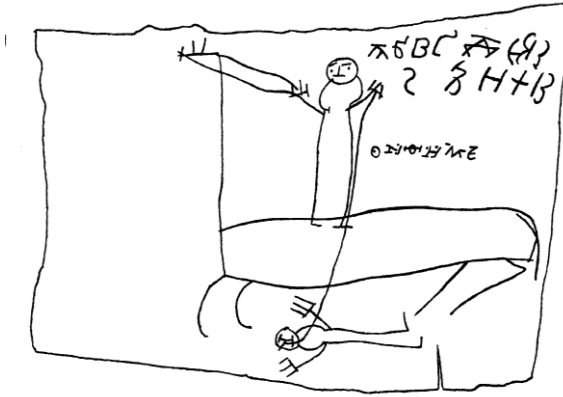
Подготовка молодого иконописца: исторический опыт и современные проблемы

Библейские писатели хорошо помнили, что ребенок – существо, еще не достигшее полноты развития. Одно дело – святые младенцы и отроки, взирающие из резных киотов, другое дело – реальные дети в жизни. Для апостола Павла слово «младенец», «младенчество» означало духовную незрелость: **«Когда я был маленьким, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а когда стал мужем, то оставил младенческое» (1 Кор. 13:11).**

Поэтому сама собой возникает проблема: дети и занятия иконописанием. В постсоветскую эпоху появилось немало студий, где ребят учат создавать иконы. Но задумаемся: стоит ли умиляться детскими занятиями иконописью, которые приобретают уже, кажется, массовый характер? Дети расписывают храмы, проводятся конкурсы на лучшую детскую икону... Устроители таких конкурсов видимо забыли, что для верующего нет «первенства» икон, ибо каждая икона свята. И выявленные победители ничего не приобретут, кроме гордыни. Во всяком случае, нам известны примеры раннего увлечения иконописью, которому затем неизменно сопутствовали зазнайство и гордыня. При занятии любым делом могут, конечно, проявиться отрицательные качества ребенка, но, следовательно, взрослые обязаны с особой внимательностью заниматься воспитанием детей во всех сферах, чтобы не вырастали из них гордецы. Разве разнообразие занятий снимает ответственность с воспитателей? Здесь можно вспомнить о подготовке кадетов. Им в учебном заведении дают серьезные знания о «военном искусстве», тем не менее не доверяют же даже отличникам «покомандовать» и малым подразделением – взводом солдат. И это понятно: у кадетов просто нет духовной зрелости командовать взрослыми. Тогда почему при явном отсутствии духовной зрелости детям позволяют писать иконы? Потому мы и говорим об опасностях в данной области человеческой деятельности.

Как же был организован процесс подготовки молодых иконописцев на Руси? Вопрос не праздный, а, напротив, весьма актуальный на сегодняшний день. Во всяком случае, дети в то время икон не писали; они числились только подмастерьями: растирали пигменты, готовили левкас, краски, но *самостоятельно* иконописью не занимались. Все наши критики, кроме своего мнения, до сих пор не привели ни одного исторического документа, подтверждающего их правоту и опровергающего нашу точку зрения. Если до сего дня сохранилось столько «взрослых» икон, то где «детские»? Всемирно известны рисунки новгородского мальчика XIII века Онфима, но не найдено ни одного даже за-

худалого эскиза юного безвестного иконописца Средневековья.

Мальчик Онфим. Автопортрет. Рисунок на берестяной грамоте.
Новгород. Ок. 1234–1268 гг.

Нет даже литературных упоминаний о таких иконописцах. Не странно ли? И напрасно один из критикующих пытался возразить строками из труда преподобного Максима Исповедника: «Подобно тому, как Слово Божие до своего явления и пришествия во плоти духовно обитало в патриархах и пророках, предызображая таинства своего пришествия, так и после этого обитания [во плоти] Оно присутствует и в еще младенцах [во Христе], духовно питая и ведя их к возмужанию по Богу, и в совершенных, сокрыто предначертывая в них, словно нанося очертания образа, будущее пришествие Свое»¹. Являются ли эти слова разрешением детям создавать иконы? Разумеется, нет. Иначе иконы можно было бы писать пророкам и патриархам еще до воплощения Христова, ибо Слово обитало ведь и в них. Здесь, скорее, сами дети являются «иконной доской», на которую наносится образ, а не дети – иконописцы.

Напомним, что в православной традиции слово «отрок» (от праслав. *ot(ъ)-гокъ, происходит из *от* + *реку*) понималось как «не имеющий права говорить», в том числе, разумеется, и языком иконы. Разрешая ребенку создавать сакральный образ, по логике, если учитывать связь сакрального образа с литургией (а не учитывать данную связь невозможно, ибо она неотменима), то последней (литургии) грозит переход с церковнославянского языка на детское каляканье. Что, конечно же, нелепость. Но разве не такая же нелепость – «детская икона»? Само данное выражение звучит странно. Церковное предание свидетельствует: даже святой евангелист Лука впервые живописал образ Богоматери лишь после Пятидесятницы. А ведь это был взрослый человек, со

¹ Максим Исповедник, преподобный. Главы о богословии и домостроительстве воплощения Сына Божия. Вторая сотница. 28 // Он же. Творения. Книга 1: Богословские и аскетические трактаты. М., 1993. С. 239.

сформированной сенсомоторикой в отличие от детей, это был сложившийся художник, с точным глазом и «поставленной» рукой. Другим апостол Лука быть просто не мог, Господь бы не попустил. Вот не попустил раньше Пятидесятницы и писать образ Божией Матери. Ибо художник не приобрел еще даров Духа.

А сегодня составляются программы для занятий иконописью в Воскресных школах, что никоим образом нельзя считать церковным достижением. Это не достижение, а явное заблуждение. «В создании иконы ничто не может заменить личный опыт стяжания благодати»,² – вот аксиома, которую вывел Л.А. Успенский, богослов и иконописец. При всей чистоте детской души, ясно же, что у ребенка опыт стяжания благодати минимален. Первые шаги новоначальные русские иконописцы делали не раньше юношеского возраста,³ и заключались они в освоении опыта ведущего иконника «дружины» (обычно «знаменщика», именуемого в летописях старейшиной и начальником), под чьим неперменным руководством находились «оглашенные» изографы. Через духовный и профессиональный опыт как руководителя, так и всей дружины они постепенно приобщались «ведению святых иконописцев, живому опыту Церкви». В этом было принципиальное отличие русской школы обучения живописи от западноевропейской. Современные искусствоведы с помощью стилистического анализа доказывают, что творческое общение гениального Андрея Рублева с Феофаном Греком и Прохором с Городца оставило поистине благотворный след в его дальнейшей деятельности.

Древнерусская система подготовки иконописцев дала миру гений преподобного Андрея Рублева, великого Дионисия, явила целый сонм святых иконописцев. Потому мы и обязаны заботиться о поддержании именно этой традиции воспитания, а не заменять ее некими светскими модернистскими «семулякрами», бесплодными уже по определению. Иначе где новые гении?

Кадровые проблемы с профессиональным обучением иконников, по всей видимости, возникли уже в XVI веке при царе Иване Грозном. Почему и был поставлен на Стоглавом соборе вопрос о положении иконописца и вообще о состоянии иконописания на Руси. Да и массовое появление иконописных подлинников подтверждает сказанное.

Радикальные изменения начались в XVII веке. Многолюдные села, как Палех, Мстера, Холуй, превращались в массовые производители икон. Теперь требовались мастеровитые ремесленники, а не глубокие богословы сакрального образа.

К концу XVII века хлынувшие потоком западноевропейские влияния неминуемо повлекли за собой переосмысление роли изографа, а, следовательно, и

² Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. С. 137.

³ Поэтому в летописях они называются «унотами». Др.-русск. унѣ «молодой, юный» восходит к общеслав. junъ, имеющему индоевропейский характер. Напомним, что Церковь считает детей младенцами до 7 лет; с 7 лет до 14 они отроки; и только с 14-ти — юноши.

принципы его подготовки.

Почитание иконы остается православным, а сама икона напитывается духом, чуждым Православию. Именно в этот период иконописец окончательно перестает быть церковнослужителем и утверждается в качестве ремесленника⁴, подобно тому, как это было с художником на Западе, согласно Каролингским книгам. Чем и объяснимо наличие целых сел, состоящих из иконников.

И если на Руси писать образ считали почетным для себя подчас и знатные бояре, но в России нового времени ситуация прямо противоположная. Аристократы ведут себя подобно античным римлянам и пишут икону в виде исключения, ибо считают такое занятие, достойным лишь простолюдина, поскольку оно для них сугубое ремесло. А займутся они иконописанием как церковнослужением только в XX веке, оказавшись в вынужденной эмиграции.

Кризис подготовки иконописцев стал особо ощутимым к самому началу XX века. В 1901 году создается Комитет попечительства о русской иконописи. Председателем был избран граф С.Д. Шереметев. В состав названного органа входили: акад. Н.П. Кондаков, вице-президент Академии художеств И.И. Толстой, В.П. Безобразов, А.Н. Бенуа, Л.Н. Майков и другие, а также великие князья Константин Александрович и Сергей Александрович (Романовы). Несмотря на председательство С. Шереметева, главную роль в Комитете играл Н.П. Кондаков. Ставилась задача: поддержать и воссоздать традиционные центры иконописания.⁵ То есть задача в своей основе – больше мирская (возрождение народных промыслов и параллельно реабилитация старообрядческой иконы, руководствуясь преимущественно эстетическими соображениями), а не церковная (приведение иконописи в соответствие тем требованиям, которые богословски и канонически, согласно Деяниям VII Вселенского собора, призваны выполнять священники вместе с изографами). Кондаков так и говорил: «Только старообрядчество удержало древние стили, иначе они давно исчезли бы в иконописи»⁶. Поэтому первым пунктом записали: «Составление нового иконописного подлинника». Вторым пунктом записали «Открытие учебно-иконописных мастерских».

В результате перипетий после Февральской революции 1917 года дело о Комитете и разработанный им Устав попали на Поместный Собор.

Документы были рассмотрены на Соборе, и 25 ноября на пленарном заседании с двумя итоговыми докладами выступил наместник Александроневской лавры епископ Прокопий (Титов).

⁴ Следует различать здесь ремесло как профессиональное занятие, определяющее социальный статус человека, и ремесло как необходимую техническую основу всякого творчества. Последний аспект нами не разбирается, поскольку он очевиден и в философии не представляет собой предмета разногласий.

⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. №34. М., 1998. С. 217. Далее сокращенно: Священный Собор ПРЦ.

⁶ Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб. Петроград, 1902. Вып. 1. С. 88.

В первом докладе, имевшем название «О Комитете попечительства о русской иконописи», Его Преосвященство отметил «дефекты, которые были допущены» непосредственно при организации Комитета. Что имелось в виду? Речь шла об оторванности созданного органа от самой Церкви. Вспомним состав его участников, куда не входил ни один священнослужитель, не говоря об архиереях. Поэтому все благие начинания заканчивались ничем. Епископ Прокопий логично предлагал передать иконописный Комитет под церковное управление, «ибо только церковная власть может обеспечить этому делу и надлежащее православное направление, и широкое развитие».⁷

Во втором более обстоятельном докладе «Об общих проблемах иконописания в России» Владыка напомнил об истории существования иконописных мастерских при русских Митрополитах, Патриархах и царях. Он отметил особое падение иконописания, начиная с эпохи Петра I, когда создание сакрального образа было отдано на откуп Академии художеств с профессорами-иностранцами далеко не православного вероисповедания.

Епископ Прокопий также справедливо подчеркнул вред, нанесенный иконописи «гнетом капитала». Торговцы стали требовать дешевизны, что вело и приводило к скатыванию в заунывное ремесленничество.

Далее Епископ доложил, что «в 1900 году иконописцы-кустари, не находя внимания к своим нуждам со стороны Святейшего Синода, обратились с прошением на Высочайшее имя, в котором, изложив бедственное положение русской иконописи, попросили помочь этой важной отрасли религиозного искусства». В результате чего и явилось через год создание означенного иконописного Комитета под покровительством Николая II. Об эффективности этого органа мы уже знаем. Но Владыка предложил чисто практические меры для выхода из сложившегося кризиса. Следовало создать при епархиях иконописные мастерские и при них школы, работающие, разумеется, под присмотром священства.

К сожалению, во многих епархиях и митрополиях по сей день нет ни таких мастерских, ни иконописных школ, хотя, казалось бы, жизнь требует того настоятельно.

Как видим, в выступлении епископа Прокопия были и конструктивные мысли, переходящие в желание следовать основам древнего канонического искусства, и мысли не столько церковные, сколько присущие кризисной эпохе, отмеченной всеми свойствами декаданса. По сути дела, речь-то имело смысл вести не о развитии церковного искусства (оно само развивается в верном направлении при благоприятно складывающихся обстоятельствах). В условиях начала XX столетия, по всей видимости, следовало не развивать это самое церковное искусство, а приводить его в соответствие с литургией, в то соответствие, каким оно было в древности и каким оно должно оставаться

⁷ Священный Собор ПРЦ, С. 221.

всегда.

На этом систематическое обсуждение вопросов охраны церковной старины и контроля за иконописанием Собор закончил. К означенной теме Отдел *О богослужении, проповедничестве и храме* вернулся лишь на своем последнем заседании, которое состоялось 27 августа/8 сентября 1918 года. С докладом «О возврате к национальным началам в деле возрождения и облагораживания русского иконописного творчества» выступил свящ. Николай Сироткин⁸. Его выступление представляло собой исторический очерк развития русского церковного искусства XI–XIX веков. Судя по протоколу, на заседании Отдела данный доклад не обсуждался.

Сегодня квалифицированной подготовкой иконописцев занимается московский Свято-Тихоновский университет, иконописные классы Московской и Санкт-Петербургской Духовных академий. Возможно, существует еще несколько таких классов при некоторых Духовных семинариях в провинции. Как бы там ни было, этого явно мало для самой крупной Церкви в мире.

Накопилось много острых вопросов, которые иконописцы во главе с архимандритом Зином (Теодором) предлагают обсудить на общецерковном уровне, в том числе и проблему подготовки иконописцев, но изографы пока не услышаны священноначалием. Наверное, имеет смысл посмотреть хотя бы на то, *кто* сегодня занимается иконописанием. Ведь не редкость, когда так называемая богема прямоиком попадает в изографы, со своим довольно мутным сознанием, гордыней, завистью, стремлением к материальному обогащению. Один священник мне поведал следующую историю. Для восстановления храма он заказал несколько икон в одной из мастерских Санкт-Петербурга. И когда приехал их забирать, то с позволения сказать «иконописец», совершенно не стесняясь, встретил батюшку с папиросой в зубах. Иконы технически оказались выполнены блестяще: и канон был соблюден, и стиль выдержан очень ровно, и плави легли великолепно... Подходя формально, ни к чему не придержишься. «Иконописец» при этом курил гашиш, запах которого распространялся по всему помещению.

В заключение необходимо подчеркнуть еще раз: при всех кадровых проблемах необходимо избирать довольно трезвенные меры их разрешения. Поиск таких мер уже заслуживает объединения художественных и богословских сил внутри Церкви. На наш взгляд, пока ясно одно: поручать ребенку написание моленного образа – столь же безответственно и неуместно, как благословить подростка служить литургию. В воскресных школах самое разумное – учить детей понимать сложный язык иконы, но никак не «создавать» ее. Бездуховная эпоха постмодернизма вне церковной ограды требует от священнослужителей особого внимания и к иконописцам постарше: надо понять кто

⁸ Сироткин Николай Михайлович (ок. 1875 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Крестовоздвиженской церкви села Юсупова Подольского уезда (Московская епархия), благодетель. Окончил Духовную семинарию.

они, с чем и зачем пришли в храм, что собираются делать. Жизнь сама требует наведения порядка в таком ответственном деле. Излишне объяснять роль и значение иконы в Православной Церкви.

Перекосы, возникающие в связи с затронутой нами проблемой, это не просто заурядные «недостатки воспитания подрастающего поколения», «недочеты кадровой политики» в отношении «оглашенных» взрослых иконописцев – это мины, закладываемые на будущее в литургическую жизнь Церкви.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕВНА	ПРАВОСЛАВНАЯ ВОСКРЕСНЯЯ ШКОЛА СЕВНА	Справки и запись в школу по телефону: +7 915 839-69-12
		
<h2 style="text-align: center;">ХОЛУЙСКАЯ ИКОНОПИСНАЯ СТУДИЯ</h2> <p style="text-align: center;">при Общественном движении "Севна" и Православной Воскресной школе церкви Введения Пресвятой Богородицы (развивающая программа для детей) объявляет набор в группы детей от 8 до 15 лет Обучение рассчитано на 4 года Занятия проводятся на территории церкви</p> <p>В основе обучения лежит изучение основ православной веры и изучение древнерусского искусства:</p> <p>иконопись; эскизство; фреска; рукописные и печатные книги; лубок; народные промыслы; национальные костюмы; национальные обычаи.</p> <p>С каждым годом уровень освоения материала в Школе будет повышаться от задач общего цветового, композиционного и культурного развития детей к знанию основных иконографических образов и сюжетов древнерусской живописи, памятников древнерусской архитектуры.</p> <p>В программу обучения входит подготовка (костюмы и декорации) и осуществление театрализованных представлений на Рождество, Масленицу и другие праздники, проведение выставок детского творчества.</p>		

Объявление о наборе в детскую иконописную студию одной из воскресных школ.